
ДЕКАБРИСТЫ И ПОЛЬСКОЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

СВЯЗИ ДЕКАБРИСТОВ С ОБЩЕСТВОМ ФИЛОМАТОВ И СОЮЗОМ ВОЛЬНЫХ ПОЛЯКОВ

П. Н. ОЛЬШАНСКИЙ

Существенным моментом движения декабристов является попытка русских дворянских революционеров установить тесный союз с польскими борцами за свободу. Русский и польский народы сближало не только общее происхождение, близость языка, культуры, соседство, совместная многовековая борьба с иностранными агрессорами, но и то, что у них были общие враги — царское самодержавие и крепостничество. Идея борьбы за свободу, вынашиваемая польскими шляхетскими революционерами, отражала настроения и желания широких народных масс Польши.

Как в России, так и в Польше, развитие производительных сил все настоятельнее требовало ломки старых феодальных отношений и замены их более прогрессивными — капиталистическими отношениями. Наряду с задачей социально-политических преобразований перед польским народом стояла еще одна жизненно важная задача — возвращение Польше независимости. Борьба за независимость Польши была «не отделима от свержения аристократии и от аграрной реформы внутри страны», а «аграрная революция невозможна без одновременного завоевания самостоятельного национального существования»¹. Передовые представители русского общества горячо поддерживали борьбу польского народа за национальную свободу, за государственную самостоятельность, понимая, что подлинная дружба и союз обоих народов могут быть прочны лишь при условии полного равенства и уважения права польского народа на самостоятельное существование.

Идея русско-польского революционного союза и национальной независимости Польши нашла свое всестороннее отражение в конституционном проекте Южного общества декабристов — в пестелевской «Русской Правде»². За независимость Польши и революционный союз с нею стояли и представители республиканского крыла Северного общества³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, изд. 2. М.—Л., 1956, стр. 352, 367.

² «Русская Правда» провозглашала требование: Россия «должна даровать Польше независимое существование». При этом подчеркивалось, что «верховная власть должна быть устроена в Польше одинаковым образом, как и в России», т. е. Польша должна была стать республикой и «всякая аристократия, хоть на богатствах и имуществвах, хоть на привилегиях и правах родовых основанная, должна быть совершенно и навсегда отвергнута, и весь народ польский одно только сословие составлять...» (ЦИАМ, ф. 48, д. 10, л. 79).

³ Идея независимости Польши отражена, хотя и своеобразно, также и в конституционном проекте Северного общества — Конституции Никиты Муравьева. Польша не включалась в число 14 держав будущей федеративной России, а должна была иметь самостоятельное политическое существование (см. «Конституция Н. Муравьева» в книге Н. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев, М., 1933, стр. 308, 325).

Поиски контакта и революционных связей начались с обеих сторон вскоре же после возникновения тайных революционных организаций. Наибольшим успехом увенчались эти поиски на юго-западе России благодаря обстановке, способствовавшей непосредственному общению польских и русских революционеров (воинские части, офицеры которых входили в Южное общество декабристов, были расположены в районе Киева и на Волыни, где находились также и многие члены польских тайных обществ). В результате в 1823 г. руководители Васильковской управы Южного общества С. Муравьев-Апостол и М. Бестужев-Рюмин по поручению дирекции общества установили связь с польским Патриотическим обществом, а в начале 1824 г. начались переговоры о заключении революционного союза на основе положений, выдвинутых «Русской Правдой»⁴.

Однако польское Патриотическое общество, с которым установили связь южные декабристы, к этому времени, т. е. к 1824 г., пережило значительную эволюцию «вправо». После того как его первый Центральный комитет, возглавлявшийся Лукасинским, подвергся разгрому, а Лукасинский и ряд других руководителей были арестованы царским правительством, к руководству пришли члены общества с консервативными взглядами. Это были или крупные феодалы, как князь Антоний Яблоновский, владевший на Волыни большими поместьями, или чиновники, занимавшие влиятельные посты в Царстве Польском, вроде сенатора Солтыка, референдаря Государственного совета Плихты и других. Они являлись противниками социальных преобразований, главной их целью было восстановление независимости Польши в границах, существовавших до ее разделов. Несколько демократичнее был настроен Северин Кшыжановский, стоявший по своему социальному положению ближе к среднему и мелкому дворянству. Но и он находился под влиянием окружающей его магнатско-аристократической среды. Это различие во взглядах на социальные преобразования и явилось причиной того, что между декабристами и польскими борцами за свободу не было в то время достигнуто прочного революционного союза и взаимодействия в борьбе с царизмом.

Однако революционные связи декабристов с польским освободительным движением шли не только от Южного общества к польскому Патриотическому обществу. Можно проследить и другие каналы, по которым эти связи поддерживались, хотя они и обнаруживаются не так четко, как связь с Патриотическим обществом. Значение их в зарождении русско-польского революционного союза велико. Задачей настоящей статьи является рассмотрение связей декабристов с другими польскими тайными обществами.

* * *

Большой интерес в этом отношении представляет исследование вопроса о связи декабристов с польским тайным Обществом филоматов в Вильно, возникшим вначале среди студентов Виленского университета, а затем завоевавшим более широкую сферу влияния. Это общество, несмотря на то что оно не успело выработать четкой программы, являлось частью наи-

⁴ Вопрос об установлении связи Южного общества с польской тайной революционной организацией — Патриотическим обществом — более или менее подробно освещен в литературе. Ему уделено много внимания в работах В. Семейского («Политические и общественные идеи декабристов», СПб., 1909, гл. XII); М. В. Довнар-Запольского («Тайное общество декабристов», М., 1906, гл. V) и в др. Не раз освещался он и в советской литературе. Особенно много внимания уделено этому вопросу в монографии М. В. Нечкиной («Движение декабристов», т. II, 1955, гл. XIII). Этой теме посвящено также несколько специальных статей: И. Беккер, *Декабристы и польский вопрос* («Вопросы истории», 1948, № 3); А. И. Бортников, *Декабристы и польское национально-освободительное движение* («Труды Воронежского государственного университета», т. XXIX, Харьков, 1954); Л. А. Медведская, *Южное общество декабристов и Польское патриотическое общество* (сб. «Очерки из истории движения декабристов», М., 1954) и др.

Ряд исследований появился также в Польше. Среди них для нашей темы особый интерес представляет работа Л. Баумгартена, *Dekabryjscy a Polska, Warszawa, 1952*.

более прогрессивного крыла в польском освободительном движении. Общество филоматов было совершенно иным по социальному составу, чем Патриотическое общество. Его члены — студенты Виленского университета — в своем большинстве были выходцами из среды мелкой разоряющейся шляхты и провинциального чиновничества⁵.

Общество филоматов, основанное группой передовых студентов, объединившихся вокруг Адама Мицкевича, Томаша Зана, Яна Чечета и других, возникло в конце 1817 г. — почти одновременно с основанием первых декабристских организаций в России.

Нет надобности излагать историю возникновения и развития Общества филоматов, — этот вопрос обстоятельно освещен в литературе. Он привлёк и продолжает привлекать внимание и историков и литературоведов в особенности, поскольку деятельность филоматов тесно связана с личностью великого польского поэта Адама Мицкевича, поэтов Томаша Зана, Яна Чечета, Онуфрия Петрашкевича. Что же касается социально-политических взглядов филоматов и их программы, то они разработаны недостаточно и по этому вопросу существуют различные точки зрения. Большинство польских историков или вовсе обходили эту важную проблему, или же излагали ее искаженно, преуменьшая значение революционно-политической деятельности филоматов. Так, например, польский историк Г. Мосъцицкий утверждает, что деятельность филоматов не была такой значительной, как ее изображают, что она якобы была «искусственно преувеличена шумом, поднятым правительством, в частности Новосильцевым»⁶. Тенденция к умалению политического и революционного значения программных взглядов филоматов замечается и у современного нам польского историка Л. Баумгартена⁷. Более правильно, хотя и весьма осторожно, говорит о филоматах Ст. Жолкевский. Он допускает, что у филоматов были не только национально-освободительные «стремления», но что они «постепенно приближались к революционным позициям»⁸.

То обстоятельство, что исследователи приходили к указанным выводам, объясняется отсутствием у филоматов четко сформулированной программы, хотя они разрабатывали ее в течение всего периода существования общества. Следы настойчивых исканий форм и методов работы, попытки выработки социально-политической программы можно видеть в сохранившейся части архива филоматов, представляющей собой протоколы собраний, речи и рефераты членов общества, а также обширную переписку, относящуюся к 1817—1823 гг.⁹ Это ценное наследие еще далеко не достаточно исследовано и не должно игнорироваться при изучении истории польского революционного движения первой четверти XIX в. Именно этот материал позволяет проследить эволюцию общества, развитие общественно-политических взглядов его членов. При возникновении общества ставило своей задачей оказание взаимной помощи в изучении наук и вспомоществование неимущим студентам¹⁰. Но вскоре оно далеко вышло за рамки этой безобидной цели. Основатели и руководители общества старались использовать легальную, разрешенную университетским началь-

⁵ Один из основателей общества — польский поэт Адам Мицкевич — выходец из семьи мелкого шляхтича, родился на хуторе Заосье, Новогрудского повета. Его отец, получивший образование в Виленском университете, работал адвокатом при Новогрудском суде. Из того же повета родом были и руководители общества — Томаш Зан и Францишек Петрашкевич.

⁶ N. Mościcki. *Młodzię Litewska i dekabryści*, t. I, Biblioteka Warszawska 1910, zes. 3, str. 478.

⁷ L. Baumgarten. *Dekabryści a Polska*, s. 30—31, «Książka i Wiedza».

⁸ St. Żółkiewski. *Młody Mickiewicz*. «*Życie literackie*», 1953, № 3.

⁹ Архив филоматов и их переписка были изданы Польской академией наук в период 1913—1934 гг. (См. «*Archiwum filomatów*». «*Materiały do historii towarzystwa Filomatów*», t. I—III. Wyd. S., Szpotanski i St. Pietraszkiewiczówna, Kraków, 1820—1834; *Korrespondencja*, t. I—III, Wyd. Jan Czubek. Kraków, 1913).

¹⁰ См. «*Archiwum filomatów*», t. III, str. 196.

ством организацию для конспиративных целей¹¹. Структура общества отвечала требованиям строгой конспирации. Добиваясь широкого вовлечения учащейся молодежи в революционную борьбу, руководители Общества филоматов создали в организации несколько «степеней» — от низшей полулегальной, а зачастую и легальной, до высшей, строго конспиритивной. К высшей степени принадлежали собственно филоматы, сплотившие вокруг себя ряд отраслей под различными названиями¹².

В то время как во всех этих отраслях, руководимых филоматами, велась работа, соответствующая легальной цели общества (правда, с ярко выраженной тенденцией воспитания у молодежи патриотизма и свободолюбивых идей), — в высшей степени общества, в конспиративном кругу его руководителей, кипела бурная политическая жизнь. Отголоски ее дошли до нас в протокольной записи речей и рефератов, обсуждавшихся на собраниях филоматов.

Самой замечательной чертой программных установок филоматов является требование широких социальных преобразований и, прежде всего, непрременной ликвидации феодально-крепостнических отношений. Филоматы решительно ставили вопрос об освобождении крестьян от гнета помещиков. «Не могут ни просвещение страны, ни земледелие двигаться быстрым шагом вперед, — писал в своем трактате Ян Четет, — пока не будет уничтожено позорнейшее, многими веками и предрассудками укорененное препятствие — неволя крестьян, так противная естественному праву, здравому рассудку ... так приводящая в стыд людские сердца»¹³. В архиве филоматов сохранились материалы, в которых описывается крайне тяжелое положение крепостного крестьянства. Так, в докладе филомата Хлевинского мы читаем, что «обнищавший, уничтожаемый крестьянин бросил свое хозяйство, так как был не в состоянии выносить тяжелые повинности, налагаемые паном...»¹⁴. В этом же докладе упадок земледелия объясняется тем, что «богатые паны угнетают подневольных крестьян». Многие филоматы стояли за то, чтобы не откладывать освобождение крестьян, а приступить к этому в ближайшее время и чтобы члены общества показывали в этом личный пример. В этом мы видим полную аналогию с действиями некоторых русских дворянских революционеров, таких, как Якушкин и другие.

Наряду с требованием уничтожения феодальных отношений филоматы ставили своей задачей борьбу за свержение царского самодержавия и проведение широких демократических реформ. Общество филоматов, — говорил Пясецкий, — должно готовить силы народа к тому, чтобы «вырвать власть из рук деспотов»¹⁵.

Пясецкий призывал филоматов разъяснять народу «выгоды конституционного правления и вредность деспотизма». Эту же мысль о необходимости введения конституции и представительного правления выразил Ян Четет¹⁶.

Второй важной чертой Общества филоматов, рассмотрение которой позволяет без преувеличения считать его стоящим в числе наиболее прогрес-

¹¹ Один из видных членов общества, Игнатий Домейко, пишет об этом в своих воспоминаниях: «Как было сделать, чтобы не вызвать подозрения у правительства, не подвергнуть самый университет и его молодежь опасности? Ухватились за науки; потребность в учении и просвещении выдвинули как цель общества, чтобы в случае его открытия было чем заслониться от врага» (Domajko, *Filareci i filomaci*, Poznan, 1872, str. 7).

¹² Эти просветительные организации — отрасли Общества филоматов — назывались большей частью соответственно наукам, преподававшимся в университете. Существовали, например, отрасли: физико-математическая, медицинская, правовая, литературная, союзы литераторов, натуралистов, организация «лучистых» и т. д. («Materiały do historyj towarzystwa filomatów», t. I, str. 46; t. III, str. 452—453).

¹³ «Archiwum filomatów», t. II, str. 369.

¹⁴ Там же, стр. 203.

¹⁵ Там же, t. III, str. 358.

¹⁶ Там же, str. 367—368.

сивных течений в польском освободительном движении, является то, что филоматы тесно связывали проведение социальных реформ с борьбой за национальное освобождение.

Филоматы внимательно следили за событиями, происходящими в других странах Европы. Это был период революционных взрывов в ряде стран Западной Европы. В Неаполе, Испании, Греции разгоралось пламя освободительной борьбы. Носились слухи о создании тайных революционных обществ в России, в Царстве Польском. Это вдохновляло филоматов на еще более решительные действия. Об общем духе, господствовавшем у филоматов в то время, говорит выступление Томаша Зана на приеме вновь вступающих в общество. «Настало время, — сказал он, — когда восходит заря счастья. ... Дух счастливой перемены разливается быстро и в короткое время наполнил все европейские народы, вздрагивает земля и неожиданно извергаются вулканы... А наша страна, стонущая под тяжестью несправедливости и гнета, подавленная тьмой... разве ты не будешь искать собственного улучшения (porrawy)?»¹⁷.

В литературе остается невыясненным, какой позиции придерживались филоматы в вопросе о восстановлении прежних границ Речи Посполитой, так как в документах мы не находим отражения этого вопроса. Но можно предполагать, что филоматы, как и большинство шляхетских революционеров, не считали его главным. Основная часть членов Общества филоматов, происходившая из мелкой шляхты литовских, белорусских и украинских губерний, уже по своему социальному положению стояла близко к массе народа, населявшего эти территории, и они могли видеть всю необоснованность требований восстановления Польши в границах 1772 г., которое выдвигали зажиточные слои польской шляхты. У нас, кроме того, имеется весьма важное свидетельство Адама Мицкевича, позволяющее судить о его отношении к территориальному вопросу, а также и об отношении к нему других деятелей освободительного движения — польских литераторов. Читая курс лекций о славянских литературах в Париже в 1842 г., Мицкевич рассказывал о вдохновляющей роли литературы, в частности польской поэзии, в период борьбы поляков за независимость в первой четверти XIX в. У польских легионеров большой популярностью пользовалась песня, сочиненная поэтом Горецким, в которой поэт призывал легионеров, двигавшихся из Италии и Франции на освобождение своей родины: «Вислу мы пройдем и Варту». В этом месте Мицкевич специально остановил внимание своих слушателей (преимущественно поляков): «Обращаю ваше внимание на то, что в этих песнях нет упоминания ни о Немане, ни о Днепре, ни о том, что они должны принадлежать Польше». Заметив, что многие польские «политики» призывали к завоеванию старых восточных границ Польши, Мицкевич еще раз подчеркнул, что польские поэты «не разделяли иллюзий политиков»¹⁸.

Таким образом, тайное Общество филоматов ставило своей целью борьбу в основном за те же идеалы, за которые боролись русские дворянские революционеры. Оно тяготело к тем же основным общественным проблемам, что и общество декабристов — задача восстановления национальной независимости соединялась у них с целями социального преобразования¹⁹. Общность задач создавала условия для тесного союза виленских молодых борцов за свободу с русскими дворянскими революционерами. Такое взаимное стремление к союзу, несомненно, было у обеих сторон, хотя осуществление его затруднялось условиями конспирации и по этой причине не приняло характера прочных постоянных связей.

Историю развития связей декабристов с виленскими филоматами можно разделить на два периода. Первый относится ко времени существования Общества филоматов и характеризуется случайными связями, обме-

¹⁷ «Archiwum filomatów», t. III, str. 14—15.

¹⁸ А. Мицкевич. Собр. соч. (в пяти томах), т. 4, М., 1954, стр. 372—374.

¹⁹ См. М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. II, стр. 106.

ном информацией, заимствованием форм и методов работы при посредстве людей, близко стоявших по своим взглядам к революционному лагерю. Во втором периоде устанавливается личный контакт декабристов с Мицкевичем и другими филематами, сосланными в русские губернии России после разгрома царским правительством Общества филематов. Такая связь зародилась в самом начале 20-х годов на севере России, в Петербурге, где находился центр Северного общества декабристов. Важную роль в этом играли поляки, жившие в русской столице. Одним из них был Пелчинский, работавший, по-видимому, в канцелярии министра духовных дел и народного просвещения. Пелчинский, формально не принадлежавший к тайным обществам, был человеком прогрессивных взглядов. Об этом свидетельствует то, что в Петербурге он сблизился с передовыми русскими литераторами, в частности с Гнедичем, который являлся членом «Вольного общества любителей российской словесности». Членами этого общества, как известно, были К. Ф. Рылеев, Ф. Н. Глинка и другие декабристы. Гнедич, кроме того, входил в литературное общество «Зеленая лампа» — побочную управу «Союза благоденствия» (его легальную отрасль)²⁰. Творчество Гнедича, проникнутое ненавистью к деспотизму и симпатиями к республиканизму, свидетельствует о его духовном родстве с членами «Союза благоденствия». Его литературная и общественная деятельность тесно связана с декабристами. Ближайшими друзьями Гнедича были Юшневский, Рылеев, Никита Муравьев, Ф. Глинка²¹. Весьма примечательно, что Пелчинский в июне 1822 г. был избран в члены-корреспонденты «Вольного общества любителей российской словесности», а в сентябре или октябре того же года он присутствовал на двух заседаниях общества вместе с К. Рылеевым и А. Бестужевым²². (На одном из этих заседаний Рылеев читал свои «Думы».) Поэтому можно с полным основанием предполагать, что Пелчинский был лично знаком с видными руководителями Северного общества декабристов. Близкое общение с прогрессивными представителями русского общества давало возможность Пелчинскому быть в курсе развития революционного движения. Пелчинский имел обширные знакомства среди виленских филематов и пользовался их уважением. Филематы поддерживали с ним письменную связь и получали от него интересующую их политическую информацию. Часть переписки Пелчинского с филематами сохранилась и позволяет судить о характере информации и сведений, интересовавших филематов. Пелчинский сообщал в Вильно филематам все важные политические новости. В частности, он сообщил Ежовскому 17 ноября 1820 г. о высылке Пушкина из столицы на юг «за то, что его муза плохо признавала указы»²³. В свою очередь, Пелчинский просил, чтобы ему сообщали обо всем, что происходит в Вильно²⁴. Нуждаясь во взаимной информации о ходе создания тайного общества в Варшаве и о других важных вещах, филематы изыскивали способы надежной пересылки корреспонденции. Пелчинский посоветовал для подобных сообщений использовать не обычную почту, которая могла подвергнуться проверке, а более надежный способ — эстафету, которая ходила от министра — статс-секретаря Соболевского, с чиновниками канцелярии которого Пелчинский успел завести близкое знакомство — к цесаревичу Константину в Варшаву и обратно в Петербург²⁵. Корреспонденция пересылалась также через прибывавших в Петербург родственников виленских филематов. В письме Ежовскому от 23 марта 1821 г. Пелчинский сообщил, что в Петербурге находится двоюродный брат филемата Игнатия

²⁰ См. И. Н. Медведева. Н. И. Гнедич и декабристы. Сб. «Декабристы и их время», М.—Л., 1951, стр. 124.

²¹ См. там же, стр. 149, 153.

²² См. S. F i s z m a n; Z problematyki pobytu Adama Mickiewicza w Rosji. «Kwartalnik instytutu polsko-Radzieckiego», Warszawa, 1956, № 1 (14), str. 5.

²³ «Korespondencja filomatów», t. III, str. 21.

²⁴ Там же, стр. 20—21.

²⁵ Там же, t. II, str. 282; t. III, str. 15.

Домейко — Адам Домейко, скоро он будет возвращаться в Вильно и тогда Пелчинский перешлет с ним Ежовскому требуемую корреспонденцию²⁶. Филоматы вели учет своих членов, уезжающих из Вильно в другие города страны. В архиве филоматов сохранился список таких людей, в котором в соответствующей графе указывалось, где находился тот или иной член общества. В этом списке мы находим фамилии живших в то время в Петербурге филоматов: Яна Гориана, Доминика Орлицкого, Каэтана Пшецишевского. Первые два работали инженерами, специальность третьего не обозначена²⁷. Кроме того, в Петербурге служили в конной артиллерии юнкерами бывшие студенты Виленского университета — филоматы братья Шемиоты — Игнатий и Бруно, а также члены филоматского общества «виленского университета кандидаты» Викентий Бобинский и Иосиф Шадкевич²⁸. Можно предполагать, что живущие в Петербурге филоматы общались между собой и с Пелчинским, имели знакомства с русскими прогрессивными людьми, так как Пелчинский сообщал Ежовскому в марте 1820 г., что «здесь есть несколько мыслящих поляков»²⁹.

В конце 1819 г. приехал в Петербург прогрессивно настроенный поляк Зориан Ходаковский³⁰, известный уже в то время этнограф и историк, исследователь древней истории славянских народов. С помощью русских друзей ему удалось опубликовать в «Вестнике Европы» свою новую работу на русском языке: «Разыскания касательно русской истории», в которой он подверг резкой критике историческую концепцию только что вышедшей в свет «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина³¹. Взгляды Ходаковского на происхождение славян и критика им Карамзина целиком разделялись историками-декабристами. Ходаковского сблизил с русскими дворянскими революционерами и взгляд на ряд социальных проблем. Он не раз выступал за ликвидацию феодально-крепостнических отношений и демократические преобразования государственного строя³². В Петербурге Ходаковский вошел в личный контакт с Анастасевичем и другими русскими учеными-историками. В это же время он тесно сблизился с Пелчинским, «Ходаковский бывает у меня довольно часто...», сообщал Пелчинский Ежовскому в мае 1820 г. из Петербурга³³.

На основании изложенных фактов можно сделать вывод, что Общество филоматов имело уже некоторые связи с русскими революционерами и всем прогрессивным лагерем в России. Эти связи еще не были прочными, но они расширялись и крепли. Русские дворянские революционеры из Северного общества декабристов были в какой-то мере в курсе деятельности тайного революционного общества в Вильно, оказывали ему моральную поддержку.

К 1823 г. относится и попытка со стороны Южного общества декабристов установить связи с виленской тайной организацией. Речь идет о поездке М. Бестужева-Рюмина в Вильно осенью 1823 г. О поездке и о ее результатах известно, к сожалению, очень мало. Первым о ней сообщил Следственному комитету в своем показании Матвей Муравьев-Апостол: «В 1823 году Директориат поручил моему брату (т. е. Сергею Муравьеву-Апостолу.— П. О.) и Бестужеву, которые находились близ Киева, собрать

²⁶ «Korespondencia filomatów, t. III, str. 310.

²⁷ «Archiwum filomatów», str. 255—256. Список составлен по состоянию на август 1822 г.

²⁸ ЦГВИА, ф. 36, оп. 3/847, св. 6, д. 27, лл. 11, 17.

²⁹ «Korespondencia filomatów», t. III, str. 78. Пелчинский часто встречался с приезжавшим в Петербург прогрессивным профессором Виленского университета Онацевичем. «Был у меня несколько раз Онацевич,— сообщал Пелчинский 16 августа 1821 г. Ежовскому,— который... сообщил мне некоторые подробности об университете» (см. «Korespondencia filomatów», t. III, str. 408).

³⁰ Псевдоним Адама Чарноцкого.

³¹ «Вестник Европы», 1819, ч. CVII, стр. 277—302.

³² A. P o r r e. Chodakowski. «Kwartalnik historyczny», Warszawa, 1954, № 2, str. 29; «Вестник Европы», 1819, т. VII.

³³ «Korespondencia filomatów», t. II, str. 79.

сведения об одном политическом обществе, которое должно существовать в Царстве Польском и в наших польских губерниях. Служба не позволяла моему брату делать частые отлучки. Бестужев принял на себя это поручение. Он совершил вояж в Вильно, где он должен был снестись с одним посланным от Польского общества»³⁴. Из показания М. Муравьева-Апостола видно, что поездка Бестужева в Вильно была немаловажным мероприятием по установлению связи с польским тайным обществом на основании решения, принятого на съезде руководителей Южного общества в январе 1823 г. Сам Бестужев, правда, предпочел умолчать о цели поездки, изображая ее как «вояж» по личным делам³⁵. Предпринимая поездку в Вильно, Бестужев, видимо, имел уже не только какие-то определенные данные о существовании там тайного общества, но и знал, к кому нужно обратиться, чтобы разыскать нужного члена общества. В противном случае нельзя было рассчитывать на успех поездки. Такое предположение напрашивается потому, что как раз в это время из Варшавы возвратился в Вильно член виленского филиала Патриотического общества Гружевский. В Варшаве он встречался с членами верховного совета Патриотического общества Кшыжановским и получил от него задание разведать о существовании тайных организаций в России и установить с ними связь³⁶. Об этом поручении знал, по всей вероятности, граф Александр Ходкевич, хорошо осведомленный о всем происходящем в Патриотическом обществе³⁷. Взглянув помочь декабристам установить связь с польской тайной организацией и будучи хорошо знаком с Бестужевым и Сергеем Муравьевым, он, видимо, не преминул сообщить им о возможности установить связь с варшавским центром через Вильно. Так, вероятно, возник план поездки Бестужева в Вильно. Неизвестно, виделся ли Бестужев с Гружевским, но ему удалось познакомиться с одним из руководителей виленского филиала Патриотического общества — с князем Константином Радзивиллом³⁸.

Приехав в Вильно, Бестужев поселился у своего знакомого, надзирателя над госпиталями Фридбурга, который был знаком с К. Радзивиллом. Последний часто бывал у Фридбурга, где и познакомился с Бестужевым. Бестужев имел несколько встреч с Радзивиллом, во время которых говорил «о несовершенстве нынешнего правления и о необходимости реформы оного»³⁹. О чем еще говорили они, осталось невыясненным, так как о встречах с Радзивиллом Бестужев умолчал совершенно, а Радзивилл, хотя и проговорился об этом, но постарался не раскрывать подробностей бесед, так как это усугубило бы его вину. Поскольку он давал показания уже после вынесения приговора декабристам, а через несколько дней Бестужев уже был казнен⁴⁰, то Следственный комитет уже не имел возможности узнать больше того, что показал Радзивилл.

Установлением факта знакомства Бестужева с К. Радзивиллом не исчерпывается вопрос о виленских встречах Бестужева. Есть основания

³⁴ ВД, Материалы, т. IX, М.—Л., 1950, стр. 200.

³⁵ ВД, т. IX, стр. 93. «Я был в Вильне в сентябре 1823 года,—показывает Бестужев,—по собственному делу, жил все время у одного знакомого, ни с кем не знакомился и никого из значительных почему-либо лиц не видал».

³⁶ ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. III, л. 174, показание Гружевского Варшавской следственной комиссии. См. также показание Ромера (Там же, д. 324, ч. II, л. 359).

³⁷ Отставной польский генерал А. Ходкевич, хотя сам, по-видимому, формально не принадлежал к польскому Патриотическому обществу, был близко знаком с его руководителями и членами, жившими в Киевской губернии и на Волыни. Будучи сторонником польско-русского революционного союза, он помог установить связь декабристов с польскими революционерами. ВД, т. IX, стр. 86—87, показание М. Бестужева-Рюмина; показание Кшыжановского (ЦГИАМ, ф. 48, д. 824, ч. II, л. 103).

³⁸ К. Радзивилл являлся членом Литовского (виленского) областного Совета Патриотического общества (ЦГИАМ, ф. 1068, д. 981, л. 30).

³⁹ См. показание К. Радзивилла Варшавской следственной комиссии (ЦГИАМ, ф. 48, д. 324, ч. III, л. 290).

⁴⁰ Радзивилл давал свое показание 6 июля 1826 г. (см. там же).

предполагать, что Бестужев установил личный контакт с виленскими филоматами. Отсутствие прямых документальных данных, которые могли бы осветить этот чрезвычайно важный момент в истории русско-польских революционных связей, восполняется свидетельством Мицкевича, который в третьей части своей поэмы «*Dziady*» запечатлел пребывание Бестужева в Вильно и его связи с виленской революционной молодежью. Мицкевич в сцене на балу у Новосильцева воспроизводит беседу Бестужева с поляком Юстином Полем, в котором автор воплотил тип молодого польского революционера, горячего юношу, способного подчас хотя на необдуманные, но героические действия против сатрапов царизма, противопоставляя этой горячности трезвую рассудительность Бестужева, умудренного опытом революционера, умеющего подчинить чувство мести расчетливой планомерной борьбе.

Юстин Польш говорит Бестужеву, указывая на сенатора:

Всадить бы нож ему в утробу
Иль хоть пощечину вклепить.

Бестужев:

Лишь без толку сорвешь ты злобу,—
Что пользы одного убить!
Они нам поднесут гостинца —
Закроют университет.
Мол, все студенты — «якобинцы»
И нации погубят цвет.

Юстин Польш:

Но за мученья он заплатит,
За кровь, за это море слез.

Бестужев:

Псов у царя на псарне хватит,
Хотя б издох какой-то пес...⁴¹

Кто же такой Юстин Польш, с которым русский революционер Бестужев ведет такой откровенный разговор? Это также не вымышленный персонаж, а подлинная личность. Его имя мы находим в числе членов виленской революционной организации⁴². Следует иметь в виду, что не только Юстин Польш и Бестужев, но и большинство других героев поэмы, а также их действия, не вымышленные, а действительные. Все это позволяет утверждать, что перед нами документ о конкретном факте, свидетельство современника и участника встреч Бестужева с виленскими революционерами-филоматами.

Каким же путем Бестужев мог узнать об Обществе филоматов и его членах, с которыми можно было встретиться? Ему об этом мог сказать К. Радзивилл; ведь члены виленского филиала Патриотического общества не только хорошо знали о существовании Общества филоматов, но и были связаны с ними через Томаша Зана, принятого в феврале 1822 г. в Патриотическое общество⁴³. Общество филоматов было включено Патриотическим обществом в общий план освободительной борьбы. Виленский филиал, получив указание варшавского центра организовать подготовку захвата виленского арсенала в случае восстания, решил поручить эту операцию филоматам⁴⁴. Другим человеком, который, возможно, сооб-

⁴¹ А. Мицкевич Указ. собр. соч., т. 3, стр. 234—235.

⁴² «*Archiwum filomatów*», t. II, str. 250—255.

⁴³ ЦГИАМ, ф. 1068, д. 981, л. 32.

⁴⁴ Там же, ф. 48, д. 324, ч. III, лл. 174—175. Показание Грушевского. Указание о захвате арсенала привез из Варшавы Грушевский. Когда он передал это указание руководителям виленского филиала, они были озадачены: «Чем же мы его захватим?» Тогда член общества Ходзько сказал: «Это могли бы сделать студенты».

шил руководителям Южного общества декабристов о существовании виленского Общества филоматов и оказал помощь в установлении связи с ним, является филомат Фадей Жебровский. Польский шляхтич Жебровский, родом с Волыни, происходил из небогатой, разорившейся шляхты, так как известно, что он был в услужении у крупного волынского магната графа Ильинского. В 1817 г. ему удалось поступить в Виленский университет⁴⁵. Через год он вступил в одну из отраслей Общества филоматов — в Виленское литературное общество, которое было создано филоматами в ноябре 1819 г.⁴⁶, во главе его стоял видный деятель Общества филоматов Теодор Лозинский⁴⁷. Жебровский скоро проявил себя как активный член общества, принимал деятельное участие в подготовке к изданию периодического органа филоматов, задачей которого было «приготовление умов» к реализации политической цели, поставленной Обществом филоматов⁴⁸, т. е. формировать общественное мнение, «будить политическое сознание» народа⁴⁹. Направление печатного органа должно было «соответствовать духу Общества филоматов». Этот орган, который предполагалось издавать легально, должен был «содействовать выполнению скрытой цели общества»⁵⁰. Филоматам не удалось осуществить задуманное издание печатного органа из-за материальных затруднений, но они не оставляли этой мысли вплоть до раскрытия их тайной организации. Учрежденный для этой цели комитет, в состав которого входил и Жебровский, провел большую работу по сбору материалов и денежных средств для издания. Ф. Жебровскому удалось избежать преследования по делу филоматов, возможно, потому, что его тогда не было в Вильно — еще в 1820 г., по окончании университета, Жебровский возвратился на Волынь и работал в качестве секретаря у того же графа Ильинского⁵¹. Но, вероятно, Жебровский и после возвращения на Волынь не порывал связи с виленским Обществом филоматов. Руководители общества не теряли из вида ни одного своего члена, оканчивающего университет. Наоборот, уезжающие в провинцию получали задание проводить соответствующую работу, пропагандировать общество на местах⁵².

Не представляется возможным установить, какую работу проделал Жебровский по организации тайного Общества филоматов на Волыни. Однако он искал революционных связей, и эти поиски привели его к декабристскому Обществу соединенных славян. Он познакомился с организаторами этого общества — Петром Борисовым и Юлианом Люблинским, а также с некоторыми другими членами общества. Это знакомство состоялось, по-видимому, вскоре по приезде Жебровского на Волынь, так как из собственного показания Жебровского, а также из показаний Борисова и Люблинского видно, что Жебровский в 1823 г. уже был принят в члены Общества соединенных славян. Членом общества он состоял вплоть до его раскрытия, и вместе с ним примкнул к Южному обществу декабристов в 1825 г. и разделил участь его членов. В 1824—1825 гг. Жебровский совершал продолжительные поездки в Варшаву и Вильно якобы по делам своего патрона графа Ильинского⁵³. Однако не исключена

⁴⁵ ЦГИАМ, ф. 48, д. 102, л. 7.

⁴⁶ «Archiwum filomatów», t. I, str. 159.

Лозинский сообщил филоматам 15 ноября 1819 г. о создании нового общества (zuzeszenia) молодежи в Вильно под названием Литературного общества; см. также ЦГИАМ, ф. 48, д. 102, л. 13. Показание Жебровского.

⁴⁷ Там же, лл. 13—14.

⁴⁸ «Archiwum filomatów», t. I, str. 159.

⁴⁹ «Archiwum filomatów», t. II, str. 252. Из речи Рукевича на собрании филоматов в апреле 1820 г.

⁵⁰ Там же, т. I, стр. 158. Ежовский, например, говорил, что «Издание должно иметь скрытую цель... соответствующую цели общества».

⁵¹ ЦГИАМ, ф. 48, д. 102, л. 17.

⁵² Филоматы посылали, например, в Кременец Качковского, Фричинского, Левицкого; Рукевичу поручали вести эту же работу в Гродненской губернии и Белостокском округе. См. «Archiwum filomatów», t. II, str. 10; t. III, str. 101.

⁵³ ЦГИАМ, ф. 48, д. 102, л. 16.

возможность того, что он ездил по поручению Общества декабристов узнать о тайных обществах в Польше. Возможно, что Жебровский сообщил руководителям Общества соединенных славян о существовании тайного Общества филوماتов в Вильно. Русские же революционеры не могли отнестись безразлично к этой важной новости.

Мы уже видели, что филоматы имели революционные связи в Петербурге. К этому нужно добавить, что между русскими и польскими революционерами уже существовала договоренность о помощи полякам, приезжающим в Петербург. Это было сделано по просьбе Кшыжановского во время переговоров с представителями Южного общества декабристов — Бестужевым и С. Муравьевым-Апостолом. Кшыжановский, как известно, просил, чтобы русские революционеры «взяли меры для доставления в Петербурге покровительства полякам, приезжающим по делам своим». Это покровительство должно состоять в том, чтобы, «приезжая в вовсе незнакомую ... столицу, каждый знал, по крайней мере, к кому ему прибегнуть». С. Муравьев признается в своем показании, что такое покровительство приезжающим в русскую столицу полякам «нами было обещано»⁵⁴. Руководители Южного общества декабристов не замедлили сообщить об этой договоренности с поляками руководителям Северного общества, которые оказывали помощь приезжавшим в Петербург польским революционерам. Об этом свидетельствует в своих показаниях С. Трубецкой, к которому обращался за помощью приезжавший в 1823 г. в Петербург член польского Патриотического общества Олизар⁵⁵. Поэтому неудивительно, что высланные в Россию в связи с делом филوماتов руководители этого общества Мицкевич, Ежовский, Соболевский, прибыв в столицу России в ноябре 1824 г.⁵⁶, сразу были приняты в среде декабристов как свои единомышленники и друзья. Имя Адама Мицкевича, как великого польского поэта, уже было известно среди прогрессивной части русского общества. Его произведения высоко ценились декабристами как по своему художественному мастерству, так и по свободолюбивому содержанию. К. Рылеев, изучив польский язык, в 1822 г. перевел на русский язык фрагменты баллад Мицкевича «Лилии» и «Свитезянка»⁵⁷.

В Петербурге Мицкевич, Ежовский и Соболевский пробыли около трех месяцев, не раз встречаясь со своими русскими друзьями. Известно, что новый, 1825, год они встречали вместе с декабристами в квартире Рылеева, где жил в то время Александр Бестужев. В дневнике Александра Бестужева сохранилась об этом запись: «31. XII. Среда. Дежурный. Вечером до 11 часов у нас сидели Мицк[евич], Еж[овский] и Малев[ский]. Пили за Новый год»⁵⁸. Есть предположение, что Адам Мицкевич встречался с Грибоедовым и Одоевским, Каховским и другими декабристами⁵⁹.

Но скоро Мицкевичу и Ежовскому пришлось расстаться со своими друзьями-декабристами. В феврале 1825 г. они были высланы в Одессу, получив назначение преподавателями в Ришельевский лицей. Сохранился замечательный документ, являющийся ярким подтверждением тесной дружбы и взаимопонимания между польскими дворянскими революционерами — виленскими филоматами — и декабристами. Это — рекомендательное письмо, которое написали Рылеев и А. Бестужев в Одессу поэту

⁵⁴ ВД, т. IV, стр. 282—283.

⁵⁵ ЦГИАМ, ф. 48, д. 421, лл. 24—25. Показание С. Трубецкой в деле Корниловича. «В бытность свою в Киеве,— пишет С. Трубецкой,— я узнал от Бестужева, что Олизар хвалился мной, что я ему оказал услуги, что им доведено было до сведения общества в Варшаве. В каких именно словах я не знаю, ...но знаю, что на поступке сем основались, чтоб удостоверить членов Польского общества, что члены русского повогоают полякам».

⁵⁶ ЦГВИАМ, ф. 36, оп. 3/847, д. 60, лл. 2—3, отношение Дибича Шишкову ст 14 ноября 1824 г.

⁵⁷ Б. Стахеев. Среди русских друзей. «Иностранная литература», 1955, № 4, стр. 183.

⁵⁸ Там же, стр. 182.

⁵⁹ См. М. В. Нечкина. Грибоедов и декабристы, изд. 2, М., 1951, стр. 393.

Туманскому, близкому к декабристам, и вручили это письмо уезжающим туда Мицкевичу, Ежовскому и Малевскому. «Рекомендую тебе Мицкевича, Малевского и Ежовского. Первого ты знаешь по имени, а я ручаюсь за его душу и талант. Друг его Малевский тоже прекрасный малый. Познакомь их и наставь; да приласкай их бедных... Будь здоров и осторожен и люби нас. Рылеев то же говорит и чувствует, что я...» — писал Александр Бестужев. «Полюби Мицкевича и друзей его Малевского и Ежовского: добрые и славные ребята. Впрочем, и писать лишнее: по чувствам и образу мыслей они уже друзья, а Мицкевич к тому же и поэт — любимец нации своей» — следовала приписка Рылеева на этом же листке⁶⁰. Такая исключительная по своей теплоте рекомендация показывает, что филоматы и декабристы, вероятно, знали друг о друге как о членах тайных революционных обществ. О высоком доверии Рылеева и Бестужева к Мицкевичу и его друзьям-филоматам говорит и то, что они, не боясь, переслали через них Туманскому очень важный конспиративный документ, который по почте послать «невозможно», а другим путем «не было случая», а также предостережения и дружеский выговор, которые они давали Туманскому, намекая, видимо, на какое-то неосторожное письмо последнего: «Да и ты сумасшедший: выдумал писать такие глупости, что у нас волосы дыбом встают. Где ты живешь? Вспомни, в каком месте и веке! У нас что ни день, то вывозят с фельдъегерями кое-кого...»

Мицкевич, добываясь направления в Одессу, мог рассчитывать найти там передовую общественную среду. В Одессе в то время часто собирались члены польских тайных обществ, между прочим, там бывал член польского Патриотического общества Мошинский, с которым там и познакомился Мицкевич⁶¹. На обстановку в Одессе проливает свет рескрипт Александра I новороссийскому генерал-губернатору Воронцову от 2 мая 1824 г.: «Я имею сведения, что в Одессу стекаются из разных мест и в особенности польских губерний и даже из военнослужащих, без позволения своего начальства, многие такие лица ... занимаются одними неосновательными и противными толками, могущими иметь на слабые умы вредное влияние»⁶². В самом Одесском лицее многие учащиеся «были настроены вольнодумно». Об этом свидетельствует анонимное донесение управляющему лицеем графу Витту от 15 декабря 1826 г., из которого видно, что «воспитанники Одесского лицея показывают опасный образ мыслей, почерпанный ими из запрещенных сочинений»⁶³. В Одессе Мицкевич и Ежовский завязали знакомство с рядом деятелей польского освободительного движения, в частности с Петром Мошинским. Во время поездки в Крым, которую Мицкевич совершил летом того же года, он установил связь с членом этого общества Густавом Олизаром, с близким к революционному лагерю волынским помещиком Генрихом Ржевуским и другими⁶⁴.

Мицкевичу и Ежовскому не пришлось работать в Одесском лицее. Официальная версия гласит, что это произошло из-за отсутствия там вакансий. По всей вероятности дело не в этом. Министерство просвещения едва ли могло посылать людей туда, где нет вакантных мест. Этот вопрос выясняется из отношения, посланного начальником главного штаба

⁶⁰ Цит. по журналу «Киевская старина», т. LXIV, март 1899, стр. 299—300. Поэт Василий Туманский — член Общества любителей российской словесности, близкий друг Кюхельбекера, Рылеева и Бестужева. См. также А. Мицкевич. Указ. соч., т. V, стр. 613.

⁶¹ L. G o m ó l i c k i. Dziennik pobytu Adama Mickiewicza w Rosji. Warszawa, 1949, str. 68.

⁶² См. «Русская старина», 1904, № 2, стр. 358.

⁶³ ЦГВИАМ, ф. 410, д. 58, л. 1.

⁶⁴ Подробно о пребывании А. Мицкевича в Одессе и в Крыму, а также о его одесских связях см. L. G o m ó l i c k i. Dziennik pobytu..., А. А. Р я б и н и н. Адам Мицкевич в ссылке в Одессе в 1825 г. «Былое», 1925, № 4 (32); С. Я. Б о р о в о й. Мицкевич накануне восстания декабристов. «Литературное наследство», т. 60, кн. 1.

бароном Дибичем министру просвещения Шишкову 1 февраля 1825 г., т. е. вскоре же после отъезда филоматов в Одессу: «Государь император, усмотрев из рапорта о приезжающих, что 26 минувшего генваря выехали отсюда в Елизаветград определенные в Ришельевский лицей кандидаты Виленского университета Ежовский и Мицкевич, — высочайше повелеть соизволил, чтобы кандидатов и профессоров Виленского университета, выгисанных оттуда по последним происшествиям, не определять в Ришельевский лицей и вообще в южные провинции, но в самые внутренние, как-то: в Пермскую, Вятскую, Вологодскую и прочие»⁶⁵.

Мицкевич и Ежовский через некоторое время получили разрешение переехать из Одессы в Москву, Мицкевич был принят на работу в канцелярию военного генерал-губернатора князя Голицына. В Москве же находились Ежовский и Петрашкевич⁶⁶ (последний также был выслан из Вильно в связи с делом тайного Общества филоматов). В Москву Мицкевич приехал в конце декабря 1825 г., т. е. в то время, когда происходили аресты участников движения декабристов. Несмотря на всеобщую подавленность и страх, вызванные арестами, Мицкевич установил в Москве знакомство с прогрессивными деятелями. Особенно хорошее впечатление произвел на него издатель «Московского телеграфа» Н. Полевой, о котором Мицкевич отзывался, что «это почтенный человек и усердный литератор»⁶⁷. Полевой предложил Мицкевичу сотрудничать в его издании, и Мицкевич поместил в нем несколько своих произведений, в частности «Крымские сонеты». Через Полевого Мицкевич познакомился с рядом прогрессивных литераторов Москвы, в том числе с Вяземским. Полевой очень дружески относился к Мицкевичу, высоко ценил его творчество⁶⁸. Одним из его лучших друзей стал поэт князь П. А. Вяземский. «Все в Мицкевиче возбуждало и привлекало сочувствие к нему», — писал он о нем⁶⁹. Через год, когда Мицкевич уезжал из Москвы в Петербург хлопотать об издании «Конрада Валленрода», Вяземский писал Жуковскому: «Рекомендую тебе Мицкевича, польского поэта, которого знаешь по крайней мере по слуху: узнай его лично и, верно, полюбишь... Он — прекрасная поэзия, товарищ его, Малевский, — прекрасная проза. Приласкай их: они жертвы чванства и подлости Новосильцева»⁷⁰. При содействии Полевого и Вяземского Мицкевич был введен в салон княгини Волконской, где он познакомился с Пушкиным, с которым сблизился очень тесно, несмотря на кратковременное знакомство с ним. «Как-нибудь напишу о нем более пространно, — писал Мицкевич филомату Одынцу о Пушкине в марте 1827 г., — теперь лишь добавлю, что я знаком с ним и мы часто встречаемся. Пушкин почти одного со мной возраста..., в разговоре очень остроумен и увлекателен; он много и хорошо читал, знает новейшую литературу; его понятия о поэзии чисты и возвышенны. Написал теперь трагедию «Борис Годунов»; я знаю из нее несколько сцен в историческом жанре, они хорошо задуманы, полны прекрасных деталей»⁷¹.

В Пушкине Мицкевич видел поэта-революционера. Вот как отзывался он о пушкинском «Кинжале»: «...Для того чтобы отважиться написать нечто подобное в России, нужно больше смелости, нежели для того, чтобы поднять мятеж в Париже или в Лондоне»⁷². Только «ссылка спасла ему жизнь», — писал Мицкевич, «ибо вскоре был раскрыт заговор»⁷³. Много

⁶⁵ ЦГВИАМ, ф. 36. оп. 9/847, св. 10, д. 8, л. 3.

⁶⁶ А. Мицкевич. Указ. соч., т. 5, стр. 362—363. Об этом Мицкевич сообщал Томашу Заву в письме из Москвы 9 (21) июня 1826 г.

⁶⁷ А. Мицкевич. Указ. соч., т. 5, стр. 369. Письмо к филомату А. Одынцу от 6/18 октября 1826 г.

⁶⁸ Gombólski. Указ. соч., стр. 128.

⁶⁹ П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., т. VII, СПб., 1882, стр. 326.

⁷⁰ А. Мицкевич. Указ. соч., т. 5, стр. 615.

⁷¹ Там же, стр. 380.

⁷² Там же, т. 4, стр. 92—93.

⁷³ Там же, стр. 193.

места уделил Мицкевич Пушкину в стихотворении «Памятник Петру Великому»:

Шел дождь. Укрывшись под одним плащом
Стояли двое в сумраке ночном.
Один, гонимый царским произволом,
Сын Запада, безвестный был пришлец;
Другой был русский, вольности певец,
Будивший Север пламенным глаголом.
Хоть встретились немного дней назад,
Но речь вели они, как с братом брат⁷⁴.

Мицкевич и все филоматы тяжело переживали поражение восстания декабристов и расправу с ними. Свое сочувствие русским борцам за свободу и ненависть к царизму Мицкевич выразил в своем стихотворении «Русским друзьям»:

Вы помните ль меня? Среди моих друзей,
Казненных, сосланных в снега пустынь угрюмых.
Сыны чужой земли! Вы также с давних дней
Гражданство обрели в моих заветных думах.
О где вы? Светлый дух Рылеева погас,
Царь петлю затянул вокруг шеи благородной,
Что, братских полон чувств, я обнимал не раз.
Проклятье палачам твоим, пророк народный!
Нет больше ни пера, ни сабли в той руке,
Что, воин и поэт, мне протянул Бестужев.
С поляком за руку он скован в руднике,
И в тачку их тиран запряг, обезоружив...⁷⁵

Мицкевич посылал «во льды полуночного края» свой привет, который звучал «как радостный призыв свободы и весны». Этим посланием, подобным пушкинскому «Посланию в Сибирь», Мицкевич хотел подбодрить своих русских союзников в их тяжелой жизни.

* * *

Яркую страницу в истории зарождения революционного союза декабристов с польскими борцами за свободу являет собой основание Общества соединенных славян. У колыбели этой тайной декабристской организации вместе с русскими дворянскими революционерами — братьями Борисовыми стоял польский шляхетский революционер Юлиан Люблинский. Знакомство Борисовых с Люблинским состоялось в тот момент, когда они, неудовлетворенные своим первым детищем — обществом «Друзей природы»⁷⁶, обдумывали план создания новой серьезной революционной организации. Их мировоззрение к тому времени уже переросло наивные, полумасонские «правила пифагоровой секты». Назревшая необходимость решения социальных задач требовала идти дальше туманных целей «усовершенствования нравственности». Всей душой ненавидя самодержавие и феодально-крепостнический гнет, Борисовы хотели создать такую организацию, которая, впитав в себя их единомышленников, поставила бы своей задачей борьбу против царизма и крепостничества за демократическую республику. Знакомство с образами знаменитых политических деятелей Греции и Рима, изучение трудов французских прогрессивных мыслителей, непосредственное наблюдение жизни и горячий патриотизм подготовили

⁷⁴ А. Мицкевич. Указ. собр. соч., т. 3, стр. 266.

⁷⁵ Там же, стр. 285.

⁷⁶ «Общество Первого согласия» или «друзей природы» было основано, по показанию Петра Борисова, в мае 1817 г., Андрей Борисов относит дату основания на май 1818 г. (См. ВД, т. V, стр. 52, 88). Кроме Борисовых, в этом обществе состоял прапорщик Волков. Вскоре в него вступили юнкера Корсун и Лукьянович.

их к такому решению⁷⁷. «Видя разные несправедливости и угнетения в Империи и имея воспаленное воображение насчет любви к Отечеству,— показывал следствию Андрей Борисов,— я вознамерился составить тайное общество с той целью, чтобы требовать по усилении оно, от государя положительных законов, коим бы он сам был подвластен. На сей конец, еще до производства в офицеры, старался я склонить брата моего Петра и служившего тогда [в] 1-й Гренадер[ской] бригаде в 3-й легкой Роте юнкера Волкова к моим предположениям»⁷⁸.

Таким образом, к моменту знакомства с Люблинским у Борисовых вполне созрела мысль об основании революционной организации, целью которой была бы борьба за установление республики.

В 1822 г. в Новоград-Волынский, где стояла 8-я артиллерийская бригада, в которой служили братья Борисовы, прибыл сосланный сюда за участие в тайных революционных организациях в Варшаве шляхтич Юлиан Люблинский⁷⁹. Встреча и знакомство Борисовых с Люблинским оказали большое влияние на реализацию плана, задуманного братьями Борисовыми. Именно с этого момента начинается краткая, но интересная история созданного этими революционерами Общества соединенных славян, знаменовавшего собой воплощение русско-польского революционного союза. Братья Борисовы нашли в лице Люблинского человека, политические идеалы которого соответствовали взглядам Борисовых. Это были люди, вышедшие из одинаковой социальной среды, хотя жизнь сложилась у них по-разному. Биография Борисовых хорошо известна в литературе, и поэтому излагать ее в данной статье нет необходимости.

Что же касается Люблинского, то до последнего времени было очень мало известно о периоде его жизни до ссылки в Новоград-Волынский, и, в частности, о его студенческих годах, проведенных в Варшаве. Единственным свидетельством, указывающим на его участие в революционном движении, являлось упоминание в «Записках и письмах декабриста И. И. Горбачевского», где говорится: «Люблинский Юлиан [в] 1823 г. из Варшавы был приведен в кандалах в Новгород-Волынский, Волынской губернии, за участие в Польском тайном обществе»⁸⁰. Отсутствие других данных побудило некоторых исследователей поставить под сомнение свидетельство Горбачевского. М. К. Азадовский, например, сомневается в достоверности приводимого в «Записках И. И. Горбачевского» факта об аресте и ссылке Люблинского под надзор полиции в Новоград-Волынский⁸¹. Такой же точки зрения придерживался и А. Е. Пресняков⁸², вступивший в полемику с М. В. Нечкиной, впервые в советской историографии, в 1927 г., обратившей внимание на этот факт в «Записках И. И. Горбачевского», как на вполне достоверный⁸³. Достоверность факта, указанного в «Записках И. И. Горбачевского», признает и польский историк Л. Баумгартен, который сделал попытку дальнейшего выяснения связи Люблин-

⁷⁷ См. ВД, т. V, стр. 22, 28.

⁷⁸ ВД, т. V, стр. 82. О намерении требовать от монарха «Положительных законов» Борисов, вероятно, сказал следствию, дабы скрыть подлинную цель общества, шедшую дальше этого требования. В этом же показании он заявляет, что «сокровенным намерением» было совершить «государственный переворот».

⁷⁹ См. «Литературное наследство», т. 60, кн. 1, стр. 249. «Памятная записка» Ю. Люблинского. В «Записках И. И. Горбачевского» (стр. 369) прибытие Ю. Люблинского в Новоград-Волынский ошибочно датируется 1823.

⁸⁰ «Записки и письма декабриста И. И. Горбачевского». Под ред. В. Е. Сыроечкова, изд. 2, дополненное и исправленное, М., 1925, стр. 369.

⁸¹ См. «Воспоминания Бестужевых». М.—Л., 1951, ред. примеч и коммент. М. К. Азадовского, стр. 784. В комментарии к статье «Рассказы М. и Е. Бестужевых в записях Семевского» М. К. Азадовский пишет: «В какой мере этот рассказ (о Люблинском.— П. О.) справедлив, пока не установлено...». При этом он ссылается на то, что «в делах Следственной Комиссии нет никаких указаний на первый арест Люблинского, сам он в опросных пунктах сообщал: «...Под судом и в штрафах никогда не был», ВД, т. V, стр. 414.

⁸² См. «Каторга и ссылка», 1927, № 6(35), стр. 253.

⁸³ См. М. В. Нечкина. Общество соединенных славян, М.—Л., 1927, стр. 24.

ского с тайными студенческими организациями в Варшаве и высказал близкое к истине предположение, что Люблинский принадлежал к Союзу вольных поляков⁸⁴. Однако другой польский историк — Г. Батовский в своей рецензии на книгу Баумгартена возражал против этого предположения. Не отрицая факта участия Люблинского в революционных студенческих организациях в Варшаве и ареста его в 1822 г., Г. Батовский предполагает, что это не тот Люблинский, который затем явился одним из основателей декабристского Общества соединенных славян, а совершенно другое лицо⁸⁵. Теперь в распоряжении исследователя имеется еще один очень важный документ, помогающий выяснению этого вопроса. Это так называемая «Памятная записка», которая представляет собой краткую автобиографию Люблинского, касающуюся того периода его жизни, который нас интересует. Она найдена Н. П. Чулковым и впервые вводится в научный оборот⁸⁶. «Записка» не оставляет сомнений, что Люблинский — член тайной польской организации, сосланный в Новоград-Волынский, и Люблинский — организатор Общества соединенных славян — одно и то же лицо. В «Памятной записке» говорится, что Юлиан Люблинский родился на Волыни в 1798 г. С 1803 по 1809 г. учился в уездном училище, руководимом ксендзами-пирями. После этого некоторое время служил в земском суде, затем год учился в Кременецком лицее, потом работал в канцелярии попечителя Виленского университета князя А. Чарторьского. В 1819 г. поступил в Варшавский университет, где вскоре примкнул к прогрессивной части студенчества. В 1820 г. «варшавские студенты, в числе коих он (т. е. Люблинский.— П. О.) находился, вознамерившись сблизиться друг с другом... стали часто собираться в определенном месте для взаимного обмена научными сообщениями. Когда молодежь, не прекращая следовать такому своему похвальному решению, которому не препятствовали и тогдашние власти, увлеклась приятным для нее ... воспоминанием... и отметила день конституции 3 мая, тогда правительство, видя свое доверие обманутым, одних выслало из Варшавы, другим велело уехать, а третьим, сделав выговор через учебное начальство, разрешило кончить курс науки. В число последних был включен и Юлиан Люблинский»⁸⁷. Среди исключенных из университета и высланных из Варшавы был друг Люблинского, член Союза вольных поляков, Калиновский, с которым Люблинский вел переписку. Калиновский через некоторое время был арестован за принадлежность к тайному обществу. У него, по-видимому, нашли письма Люблинского, так как Люблинский пишет, что именно в связи с этим его допрашивали, посадили в тюрьму и в конце концов, когда ни в чем обвинить не могли, выслали в 1822 г. в оковах в Новгород-Волынский, «с тем, чтобы он проживал там под надзором полиции и никуда оттуда не выезжал».

Далее, в «Памятной записке» Люблинского упоминается о знакомстве его с братьями Борисовыми и основании Общества славян.

Итак, принадлежность Юлиана Люблинского к тайному революционному обществу в Варшаве отныне не должна вызывать никаких сомнений. Что же касается гипотезы Л. Баумгартена о принадлежности Люблинского именно к Союзу вольных поляков, то она еще нуждается в дальнейшем подтверждении.

Имеющиеся в нашем распоряжении новые документы, найденные в Варшавском главном архиве древних актов, позволяют сделать несколько иное предположение. Эти документы относятся ко времени пребывания

⁸⁴ См. L. Baumgarten. Указ. соч., стр. 104.

⁸⁵ См. «Kwartalnik historyczny» 2(7), Warszawa, 1954, № 2, str. 142. «Следует, однако, опасаться,— пишет Г. Батовский,— что отождествление (identyfikowanie) этой личности с Люблинским, арестованным в 1822 г. в Варшаве, бывшим секретарем Чарторьского и студентом Варшавского университета.. не является правильным, ведь это мог быть другой Люблинский».

⁸⁶ См. «Литературное наследство», т. 60, кн. 1.

⁸⁷ Там же, стр. 245.

Люблинского в заключении после второго ареста — в 1822 г. Первый из них — донесение полицейского агента Генриха Макрота⁸⁸ о беседе с Люблинским проливает свет на революционные связи Люблинского, о которых ранее почти ничего не было известно. Макрот был подослан в тюрьму к Люблинскому с целью, используя личное знакомство с ним, выведать у него данные о тайном обществе, к которому принадлежал Люблинский. Уверенный, что Люблинскому будет интересно иметь свидание с коллегой, и рассчитывая на его откровенность, Макрот стал появляться под окном камеры Люблинского, стараясь привлечь его внимание. Это ему удалось, он был замечен узником, жаждавшим с ним поговорить^{88а}. На другой день, 26 августа (7 сентября 1822 г.), Макрот виделся и беседовал с Люблинским. Судя по посланному после этой беседы донесению Константину, она была продолжительной и велась вокруг вопросов, связанных с деятельностью Люблинского в тайном студенческом обществе.

В донесении говорится:

«...Люблинский прислал мне сегодня утром письмо, в котором просит, чтобы я его навесил в тюрьме. Когда я к нему пришел, он сказал, что он очень несчастлив, что в заключении ему сказали, что он будет выслан по месту своего рождения за принадлежность к обществу молодых людей, которые собирались у некоего Добржанского и что некоторые из членов этого общества писали на стенах домов стихи против монарха и что об этом донесли и это было причиной его несчастья.

Я его расспрашивал об этих собраниях, и особенно о предмете, о котором он мне упоминал, и он сказал следующее: «В июле месяце я пришел к студенту Рачинскому, проживающему у Добржанского, с тем, чтобы взять свои книги, которые ему одолжил. У него находилось тогда несколько друзей, которые играли в карты. Они просили меня присоединиться к ним, что я и сделал. Когда я услышал от них, что они собираются ежедневно, я тоже стал часто у них бывать. Они всегда играли в карты на деньги. Собиралось человек пять-семь или даже до десяти одновременно.

Кто-то из нашей компании написал на стене комнаты стихи против монархов, о чем было донесено высшим властям, которые прислали генерала Колзакова и майора. Когда они пришли, нас было семь человек. Двое из нашей компании убежали до их прихода, а остальные пять были записаны, и на следующий день нас арестовали и привели к великому князю. После этого нас отпустили на свободу, но меня уволили из комиссии внутренних дел и полиции, где я работал в течение трех лет. Так как у меня нет никаких средств к существованию, я хотел сразу же уехать в Пулавы к князю Чарторыскому, моему благодетелю, чтобы просить его помочь мне возвратиться на Вольту, где проживает моя семья. Я пытался получить паспорт и спешил покончить здесь свои дела, чтобы как можно скорее покинуть Варшаву. Но я заметил, что за мною следят с первого же дня, когда меня выпустили на свободу. Когда я на следующий день пришел к вице-президенту просить паспорт, меня снова арестовали, и с того времени я снова нахожусь в заключении и, говорят, по приказу великого князя, буд-то бы за то, что я негодяй и бродяга».

После того как я спросил Люблинского о собраниях и статьях, им написанных, я узнал от него, что эти собрания продолжались уже долгое время и что их начал некий Левинский из Белостока. Но когда узнали, что в доме Левинского проживает агент

⁸⁸ Генрих Макрот — известный в то время полицейский агент-провокатор, доставлявший шпионские сведения лично вел. кн. Константину Павловичу. Поступив в 1817 г. на медицинский факультет Варшавского университета, он старался проникнуть в тайные студенческие организации, а потом доносил о их деятельности Константину или начальнику штаба Литовского корпуса генералу Куруте. Подробные данные о Макроте см. Sz. Askęnazy, Łukasinski, t. I, Warszawa, 1908, str. 302.

^{88а} Макрот доносил 25 августа (6 сентября по н. с.) 1822 г., что «...Люблинский, находящийся в заключении в казарме гвардейского корпуса, около арсенала, послал сегодня за мной и велел мне передать, что ему очень нужно со мною переговорить. Я пришел к казарме гвардейского корпуса, но гвардейский офицер не пожелал разрешить мне увидеться с упомянутым арестантом; однако я все же приблизился к окну тюрьмы, и Люблинский хотел мне что-то сказать, но солдаты заметили меня, и я был вынужден удалиться. Он прислал меня только прийти завтра в 11 часов утра». Здесь же Макрот добавляет: «Я знаю Люблинского, поскольку мы часто виделись во время учения в Варшавском университете (Archiwum główny akt dawnych w Warszawie. Policja tajna Konstantego, wol. 46, b. 65).

полицейский Сикорский, собрания перенесли в квартиру Добржанского. Молодые люди, которые там собирались, были большей частью студенты. Число их было довольно значительно. Вот некоторые из них: Добржанский, Левинский, Рачинский, Дзвонковский, Ясинский (чиновник канцелярии генерал Ланге), Лигенца, Смагловский, Лей, Михайловский, Грабовский, Зглищинский, Кучковский, Марковский.

Целью этих собраний была тогда игра в карты, некоторые люди из этого собрания говорили, что надо быть очень осторожными, чтобы полиция не раскрыла этих собраний. По мнению Люблинского, по всей вероятности, надписи сделал Левинский, который вообще является человеком либеральных мыслей, так же, как и его друг Рачинский. Двое, которые убежали до прихода Колзакова — Дзвонковский и Ясинский, — стерли стихи со стены.

Люблинский говорит, что он родился на Волыни и что прибыл со служащим по имени Тодорович, что он, Люблинский, был служащим в Новоград-Волынской при маршале, и что он приобрел в это время некоторое имущество и деньги, что позволяет ему сейчас содержать мать и сестер. После этого он был секретарем у князя Чарторьского в Пулавах. Он прибыл в Варшаву, чтобы закончить свое образование, и в то же время он работал в канцелярии комиссии внутренних дел и полиции. Его должен знать генерал Косецкий, который получил рекомендательные письма о нем.

Он сказал, что он человек благонадежный и что у него нет никаких плохих намерений; можно исследовать его бумаги, которые взяты в гостинице Бржезинской: там найдется его отчет о праздновании 3 мая, в котором он говорит, что отрицательно относился к банкету в Белянах. Те, кто там собрался, действовали неосмотрительно, чем навлекли неудовольствие правительства и что лучше было бы, если бы они пошли на публичное собрание друзей науки, которое состоялось в тот же день и на котором министр Потоцкий говорил о признательности, с которой поляки должны относиться к нынешнему правительству. Эта статья Люблинского вызвала будто бы неудовольствие его товарищей, и студент Калиновский, который был более всех против этой статьи, разорвал (и бросил) на стол»⁸⁹.

29 августа (10 сентября н. ст.) 1822 г. Макрот сообщал: «Люблинский прислал мне вчера через мальчика моего отца^{89а} письмо, которое просил передать в собственные руки графини Замойской»⁹⁰. Это письмо Люблинский послал через Макрота, надеясь, что тот немедленно доставит адресату. Вместо этого Макрот приложил его к своему донесению, где этот единственный автограф Люблинского, сохранившийся от додекабристского периода его жизни, являющийся вместе с тем подтверждением факта его ареста, находится и поныне вместе с донесениями Макрота⁹¹.

⁸⁹ Archiwum główny akt dawnych w Warszawie. Polizia tajna Konstantego, wol. 46, bb. 68—71. Донесение на французском языке. Здесь приводится перевод.

^{89а} Отец Генриха Макрота, Тобиаш Макрот, был также агентом тайной полиции вел. кн. Константина (См. Sz. A s k e n a z i, Łukasiński, t. I, str. 302).

⁹⁰ «Archiwum główny akt dawnych. Raporty Policji tajnej»; 1—80, wol. 46, Замойские — родственники Адама Чарторьского. Работая у князя Чарторьского, Люблинский, видимо, был знаком с Замойскими и поэтому, пользуясь тем, что графиня Замойская, имевшая большие связи с правительственными кругами, могла оказать влияние на судьбу Люблинского, он и решил обратиться к ней за помощью.

⁹¹ Вот текст этого письма в переводе с польского, на котором написан оригинал: Ясновельможная Пани!

Заключенный якобы за принадлежность к тайному обществу, обращаюсь с просьбой к Вам, ясновельможная пани, в надежде, что Вы соблагovolите войти в мое положение, которое тем более является тяжелым, что я не причастен ни к какой подобной провинности. Я родом с Волыни, был у князя Адама Чарторьского в его канцелярии как печетителя Виленского университета в качестве младшего секретаря. Оттуда князь соблагovolил оказать мне честь, дав свою рекомендацию в Варшаву, где я изучал науки в университете и работал здесь в комиссии. Но так как теперь потерял все, и даже личную свободу, прошу Вас, ясновельможная пани, оказать мне честь своей опекой и помочь мне выбраться из тюрьмы. Довольно много прошло времени, как я, находясь в заключении, дошел до крайней нужды, я не имею здесь родных, ни знакомых, к которым бы мог обратиться за помощью в эту трудную для меня минуту. Но и этого я лишен. Прошу Вас, ясновельможная пани, помочь мне и вырвать меня из этого узилища, которого, смело могу сказать, не заслуживаю, что дает мне основание обратиться к Вам с этой покорной просьбой.

Остаюсь с величайшим почтением к Вам. Ваш покорный слуга Юлиан Люблинский
Дня 9 сентября 1822. На гауптвахте при арсенале».

Сопоставляя данные, приведенные в донесении Макрота, а также в собственноручном письме Люблинского, с другими уже известными источниками, можно с полным основанием утверждать, что Люблинский принадлежал к одному из тайных студенческих кружков в Варшаве, преследовавших революционные цели.

Из донесения Макрота видно, что Люблинский был довольно сдержан в изложении своего участия в тайном студенческом кружке и старался умягчить свою роль в нем. Вполне естественно, что его заставило насторожиться чрезмерное любопытство Макрота, который, стараясь подробно выведать о конспиративных связях, в своей беседе с Люблинским мог выдать этим свое профессиональное любопытство полицейского сыщика, чем вызвать подозрение. Люблинский, однако, назвал поименно 13 участников тайных собраний. Из названных им его товарищей один был членом Союза вольных поляков, это — Калиновский. Перед нами, несомненно, один из тайных студенческих революционных кружков. Таких кружков, которые, возможно, даже не получили названия, но представляли собой нечто вроде тайной организации и были законспирированы, в начале 20-х годов, т. е. в период деятельности Союза вольных поляков, было несколько. Польский историк Юзеф Белинский, занимавшийся исследованием деятельности тайных студенческих организаций в Варшаве, приводит в одной из своих работ обширные и интересные данные о некоторых из них. Кстати, методы их работы имеют сходство с применявшимися в кружке, участником которого был Люблинский. Так, например, небольшие группы студентов в одном и том же составе собирались в Английской гостинице, в кофейне у Фаллина, на квартире студента Замойского, в кофейнях «Под Сатурном», «Под баранкой», а также в кофейне Бржезинской. В кофейне Фаллина, например, собиралось регулярно 10 человек, в Английской гостинице — до 20 человек, «Под Сатурном» — до 30 человек⁹².

Прикрываясь «чаепитием», собравшиеся студенты обсуждали политические вопросы, читали произведения прогрессивных мыслителей и периодические издания революционного направления, пели революционные песни⁹³. Из периодических изданий читались в студенческих тайных кружках прогрессивные журналы «Сибилія» и «Ванда», а также «Курьер Варшавский».

Огромной любовью у студентов пользовалась «Декада Польска», (*Dekada Polska*), являвшаяся печатным органом Союза вольных поляков. Редактором ее был один из основателей этого тайного общества Виктор Гельтман. Когда весной 1821 г. прокатилась волна полицейских репрессий и многие участники тайных собраний были арестованы, почти все они признавались, что на своих собраниях читали и обсуждали «Декаду»⁹⁴. Уже во вступительной статье первого номера, вышедшего в конце 1820 г., «Декада» провозгласила идеалы, за которые намерена была бороться: установление такого общественного строя, где «исчезнут несправедливые законы, препятствующие людям развивать свои способности, исчезнет различие сословий, а высокогородный шляхтич будет цениться наравне с бедным крестьянином, несправедливо притесняемый найдет защиту против сильных»⁹⁵. «Декада» требовала освобождения крестьян, так как «какая же может быть привязанность раба к земле, орошенной слезами, которые ему деспотизм выдал, к земле, над которой беспощадный угнетатель присваивает себе власть и право отнимать у ее жителей все

⁹² Józef Bieliński, *Związki akademików w Warszawie*. «Kwartalnik historyczny», rocznik XVIII, Lwów, 1904, str. 269, 272, 493.

⁹³ Там же, стр. 284.

⁹⁴ Там же, стр. 495, 496. Белинский приводит показания, данные в полиции Калиновским, Келлером, Издебским и др., в которых они признаются, что на собраниях читали «Декаду».

⁹⁵ «Dekada Polska», № 1, str. 3.

блага, которые дала им природа»⁹⁶. Провозглашая борьбу за национальную независимость, «Декада» доказывала, что борьба эта может быть успешной лишь при условии, если одновременно будут совершены демократические преобразования и уничтожено крепостное право. Анализируя события конца XVIII в. и объясняя причины поражения польских восстаний, «Декада» писала, что это произошло потому лишь, что на защиту страны от оккупантов встала только шляхта, так как лишь она «осталась свободной среди всеобщей неволи». Но «ни один крестьянин, ни один мещанин не встал на защиту страны, так как что же он должен был защищать? Тех ли, которые позволяли его угнетать, шляхетские ли права, в силу которых его угнетали»⁹⁷.

«Декада» смело требовала ликвидации самодержавия, введения представительного правления, конституции, так как «Конституция, освящающая свободу, безопасность личности и собственности, является единственным счастьем народов»⁹⁸. В статье «О трех последних революциях» «Декада» приветствовала народные революции в Испании, Неаполе и Португалии, учила своих читателей на горьком опыте испанской революции не верить обещаниям монархов: «Фердинанд, которого заставили уважать право народа, недолго помнил свои обещания и уничтожил конституцию». «Декада» в связи с этим напоминала, что судьба революции зависит от сплоченности народов⁹⁹. Программу «Декады» ярко охарактеризовал один из руководителей Союза вольных поляков Маврикий Мохнацкий, бесстрашно заявивший следственным властям, будучи взятым под арест, что «Декада» «сеяла начала антиправительственные и антимонархические, стремление к форме представительного правительства и неограниченной вольности»¹⁰⁰. Правительство, после того как «Декада» опубликовала в качестве приложения к № 9 Конституцию 3 мая, закрыло «Декаду». Ее издатели Виктор Гельтман, Людвиг Пионткевич, Ксаверий Брониковский и др. были арестованы и преданы суду.

Но «Декада» сделала свое дело. Она была незаменимым пособием для политического воспитания членов тайных студенческих обществ, сплотила вокруг себя крупную группу наиболее революционно настроенных студентов, составивших Союз вольных поляков, из которого вышли многие видные деятели национально-освободительного движения, руководители польского восстания 1830—1831 гг. Союз вольных поляков, будучи самой революционной организацией варшавской молодежи, имевшей свой печатный орган, распространял свое влияние на все тайные студенческие общества, о которых уже шла речь выше¹⁰¹.

Союз вольных поляков не только осуществлял идейное влияние на эти общества, но и имел с ними организационные связи. Об этом свидетельствует то, что руководители Союза вольных поляков регулярно ходили на собрания тайных студенческих кружков. Так, например, член союза Келлер бывал на собраниях, происходивших в Английской гостинице, в кофейне Фаллина и в квартире Замойского¹⁰².

Среди участников собраний в кофейне «Под Сатурном» мы встречаем Издебского, Пионткевича, Калиновского, Хржановского¹⁰³. То же самое мы видим и в кружке, в который входил Люблинский. На собраниях этого кружка всегда присутствовал Калиновский. Такая расстановка руководи-

⁹⁶ «Dekada Polska», № 1, str. 4.

⁹⁷ Там же, стр. 7.

⁹⁸ Там же, стр. 8.

⁹⁹ Там же, str., 13, 14, 24.

¹⁰⁰ «Archiwum główny akt dawnych w Warszawie». Kancelarya tajna Konstantego, vol. 620. Дело «О взятом под арест бывшем студенте Варшавского университета Мэжнацком», л. 8.

¹⁰¹ J. Bieliński. Указ. сб., стр. 496.

¹⁰² Показание студента Бобровского. См. J. Bieliński. Указ. сб., стр. 272.

¹⁰³ Показание Калиновского. См. J. Bieliński. Указ. сб., стр. 495.

щих сил Союза вольных поляков была не случайной. Это была система руководства и воспитания, принятая в этой организации. Итак, Союз вольных поляков предстает перед нами как широко разветвленная организация, охватывающая большое количество тайных студенческих кружков и обществ и руководящая ими. Правда, в силу своего непродолжительного существования он еще не успел выработать четких форм руководства.

Царской полиции не удалось раскрыть всю эту сложную систему тайных кружков, руководимых из одного центра. Это произошло по той причине, что репрессии 1821 г. обрушились лишь на руководителей общества, связанных с изданием «Декады». О существовании же Союза вольных поляков стало известно царским властям гораздо позднее, в 1823 г., в результате признания В. Гельтмана, который, уже будучи наказан за издание «Декады», служил рядовым в 1-й артиллерийской бригаде Отдельного литовского корпуса¹⁰⁴. Но к тому времени многие из руководителей и видных членов Союза вольных поляков или были уже осуждены, или же эмигрировали за границу¹⁰⁵, а сам Союз после ареста его руководителей — издателей «Декады» — прекратил существование.

После непродолжительного ареста Люблинский был освобожден, ему было разрешено окончить учебу в университете. Но в 1822 г. за поддержание письменной связи с исключенным из университета и высланным из Варшавы студентом Калиновским, Люблинский был арестован вторично, а после этого «выслан в окопах в г. Новоград-Волынский с тем, чтобы он проживал там под надзором полиции и никуда оттуда не выезжал».

Приведенные документальные данные позволяют внести поправку в гипотезу о принадлежности Люблинского к Союзу вольных поляков, а именно: Люблинский принадлежал к одному из тайных студенческих обществ, руководимых Союзом вольных поляков. Люблинский воспринял революционные идеи этого союза и не изменил своих революционных взглядов после репрессий и высылки на родину. Находясь в Новограде-Волынском, он, несмотря на то что над ним был установлен полицейский надзор, стал искать единомышленников, таких же, как он, борцов за свободу, и нашел их в лице русских дворянских революционеров — братьев Борисовых. Естественно, что братья Борисовы, революционные, республиканские убеждения которых к этому времени сложились окончательно, нашли в Люблинском много созвучного своим политическим настроениям¹⁰⁶. Петр Борисов показал на следствии, что Люблинский показался ему «человеком опытным» в конспиративной революционной деятельности и его пригласили быть в числе основателей нового общества¹⁰⁷.

Но, по-видимому, братья Борисовы, познакомившись с Люблинским, не сразу открыли перед ним свои новые революционные планы. Проявляя осторожность, ему сообщили лишь расплывчатые «правила» общества «Друзей природы». Эти цели и «правила» выглядели для Люблинского

¹⁰⁴ Виктор Гельтман был вторично арестован и подвергнут допросу в 1823 г. Это случилось при следующих обстоятельствах. В руки полиции попало письмо его брата Юзефа, учившегося в Свислочской гимназии. Из письма было видно, что Виктор Гельтман в 1820 г. явился инициатором создания тайного общества в Свислочи и переслал туда через брата выработанный им устав общества. В. Гельтман, ничего не сказавший о существовании Союза вольных поляков при первом аресте, на этот раз не только сообщил о нем, но и назвал имена многих членов, в результате чего последовали новые аресты; была создана специальная следственная комиссия, закончившая работу к весне 1824 г. (См. «Archiwum główny akt dawnych w Warszawie», фонд канцелярчи Новосильцева, д. 823, лл. 3—290; Sz. Ą s k e p a z y, Łukasiński, t. II, str. 197).

¹⁰⁵ Пионткевич, являвшийся австрийским подданным, был выслан в 1821 г. во Львов, на свою родину; Калиновскому удалось бежать из-под ареста за границу, где он пробыл до 1827 г., после чего он добровольно вернулся в Польшу (См. A. Kraushar. Sprawa Benedykta Kalinowskiego. Przyczynek do historii stowazyszen tajnych w Polsce (1821—1825), Warszawa, 1910, str. 10).

¹⁰⁶ См. М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. II, стр. 149.

¹⁰⁷ ВД, т. V, стр. 28.

настолько наивными и детскими, что он не мог удержаться от того, чтобы не рассмеяться, о чем он откровенно сообщил в своем показании следствию¹⁰⁸. Борисовы, увидев в Люблинском человека близких им передовых воззрений, стали спрашивать его, каковы же его взгляды на тайное общество и тут же предложили ему «написать лучшие» правила. И Люблинский, «будучи связан их доверием ... не мог не открыть своего мнения»¹⁰⁹. Откровенный обмен мнениями выявил общность взглядов. Оказалось, что Люблинский познакомился с Борисовыми как раз в тот момент, когда они сами разрабатывали планы революционной организации. Появление нового единомышленника не могло не ободрить Борисовых. Но это был не просто единомышленник, а представитель братского польского народа, перед которым стояли те же задачи, что и перед русским революционным движением. Само объединение передовых представителей двух братских народов в одном обществе оказало решающее влияние на характер и программу создаваемого общества.

Таким образом, в намечавшуюся, еще не окончательно созревшую, но в общих чертах уже определенную программу завоевания республики и демократических преобразований вошла новая идея: единение, братский союз славянских народов. Эта идея, по-видимому, высказанная Люблинским¹¹⁰, нашла горячую поддержку у братьев Борисовых¹¹¹ и была выражена в названии нового общества, а также в программе создания федерации славянских стран¹¹². Именно в сотрудничестве с Люблинским, представителем польского освободительного движения, братья Борисовы «ввели новый момент в революционную идеологию: всеславянское революционное единение»¹¹³. Это всеславянское революционное единение предполагалось образовать не в какой иной форме, кроме как в республиканской¹¹⁴. Так высказанная Люблинским первоначальная мысль «об искоренении ненависти» между двумя народами в результате совместного обсуждения оформилась в общую идею всеславянской республиканской федерации. Эту идею целиком воспринял Люблинский, и в этом чувствуется взаимное влияние представителей революционного движения обоих народов — польские революционные организации того времени не имели еще четкой программы по этому вопросу, так как на первый план ими выдвигалась идея национального освобождения. Общение с Борисовыми по-

¹⁰⁸ ВД, т. V, стр. 419. «В городе Новоград-Вольнске,— показывает Люблинский,— Борисовы старались познакомиться со мною,— и успев в этом,— открыли мне, что они находятся в обществе, но не помню под каким названием и какая оно была цель... показали мне правила оногo общества — но я, рассмотрев, рассмеялся и назвал их маленькими философиями...».

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же. Люблинский сообщает в своем показании: «...Сказал им, что лучше будет искоренить ненависть, каковою пылаем друг к другу, а то — через соединение отраслей Славянских, посредством Катехизиса или правил — ибо мы все, говорил им, есть Славяне и из одного племени происходим...».

¹¹¹ Там же. Люблинский подтверждает, что Борисовы, «согласившись, беспрестанно беспокоили меня, чтобы я к тому приступил».

¹¹² Мысль о демократической федерации, как «лучшей форме существования народов, к которой они должны стремиться», высказывалась, между прочим, в «Декаде» В. Гельтманом, который называл федерацию «вершиной совершенства права народов», ибо «в ней насилие уступает справедливости» («Dekada Polska», 1821, № 9, стр. 428) С. Ланда основываясь на этом высказывании «Декады», делает любопытное предположение, что «политические теории о демократической федерации народов, провозглашенные в «Декаде», нашли отражение в программе Общества соединенных славян» (См. С. С. Ланда. У истоков «Оды к юности», сб. «Литература славянских народов», вып. I, М., 1956, стр. 40).

¹¹³ М. В. Нечкина. Указ. соч., т. II, стр. 149. Характерно, что эта же мысль выражена в автобиографической «Памятной записке» Люблинского, где он упоминает, что «большое значение имеет уничтожение ненависти, которую питают друг к другу русские и поляки».

¹¹⁴ ВД, т. V, стр. 412. Люблинский говорит в одном из первых своих показаний, что «намерение наше было соединить все славянские народы и составить федеративную республику».

могло ему занять четкую позицию в этом кардинальном вопросе революции. Эти основные мысли вошли затем в составленный ими совместно «Катехизис», или «Правила» Общества соединенных славян и в клятвенное обещание. «Соединись с твоими братьями, от которых невежество твоих предков отдалило тебя», призывает один из пунктов «Правил»¹¹⁵.

Главное в идее славянского единения состояло в том, что русские и польские дворянские революционеры, представители двух соседних народов, вышедших из одного славянского корня, впервые провозгласили братский революционный союз народов в борьбе с деспотизмом, за демократические преобразования, за республику. Это требование выражало стремление всех прогрессивных элементов в освободительном движении России и Польши. Влившись в 1825 г. в Южное общество декабристов, «соединенные славяне» и здесь не только встретили сочувствие идее союза русско-польских революционных сил в борьбе против монархии за демократические преобразования, но и увидели начало, положенное такому союзу.

* * *

Итак, мы видим, что уже первые русские революционные организации, поставившие своей задачей борьбу против самодержавия и крепостничества, стремились к установлению союза с польским революционным движением. Русские дворянские революционеры видели в лице польских борцов за свободу и национальную независимость своих естественных союзников. Они стремились к объединению прогрессивных сил обоих братских народов для борьбы против своего общего врага — русского царизма. В этом своем стремлении они находили сочувствие и поддержку со стороны польских революционеров, у которых день ото дня, в ходе освободительной борьбы все более укреплялось убеждение в необходимости такого союза, как решающего условия достижения победы. Чем пристальнее мы исследуем историю русско-польских революционных связей, тем яснее видим, какие глубокие корни имеют эти связи в истории обоих народов.

Русско-польский революционный союз, зародившийся в совместной борьбе против отживающего общественного строя, ширился и креп, несмотря на противодействие со стороны националистических и всех реакционных элементов в России и Польше.

Русские и польские борцы за свободу не раз скрепляли этот союз кровью, пролитой в борьбе с царизмом, капиталистами и помещиками, а также в борьбе против иностранных захватчиков. В этой борьбе еще больше укрепилась дружба обоих братских народов, идущих ныне рука об руку при взаимной поддержке по пути строительства коммунизма.

¹¹⁵ ВД, т. V, стр. 13.

